

Толстой Лев Николаевич

Отец Сергей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Отец Сергей / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2022. –
68 с.

ISBN 978-5-519-77205-1

ISBN 978-5-519-77205-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЕЦЪ СЕРГІЙ¹⁾.

I.

Въ Петербургѣ въ сороковыхъ годахъ случилось удивившее всѣхъ событіе: красавецъ князь, командиръ лейбъ-эскадрона кирасирскаго полка, которому всѣ предсказывали флигель-адъютантство и блестящую карьеру при императорѣ Николаѣ I, за мѣсяцъ до свадьбы съ красавицей фрейлиной, пользовавшейся особой милостью императрицы, подалъ въ отставку, разорвалъ свою связь съ невѣстой, отдалъ небольшое имѣніе свое сестрѣ и уѣхалъ въ монастырь съ намѣреніемъ поступить въ него монахомъ.

Событіе казалось необыкновеннымъ и необъяснимымъ для людей, не знавшихъ внутреннихъ причинъ его; для самого же князя Степана Касатскаго все это сдѣлалось такъ естественно, что онъ не могъ и представить себѣ, какъ бы онъ могъ поступить иначе.

Отецъ Степана Касатскаго, отставной полковникъ гвардіи, умеръ, когда сыну было двѣнадцать лѣтъ. Какъ ни жаль было матери отдавать сына изъ дома, она не рѣшилась не исполнить воли покойнаго мужа, который, въ случаѣ своей смерти,

¹⁾ См. примѣчаніе 1-е.

завѣщалъ не держать сына дома, а отдать въ корпусъ, — и отдала его въ корпусъ. Сама же вдова съ дочерью Варварой переѣхала въ Петербургъ, чтобы жить тамъ же, гдѣ сынъ, и брать его на праздники.

Мальчикъ выдавался блестящими способностями и огромнымъ самолюбіемъ, вслѣдствіе чего онъ былъ первымъ и по наукамъ, въ особенности по математикѣ, къ которой онъ имѣлъ особенное пристрастіе, и по фронту, и верховой ѣздѣ. Несмотря на свой выше обыкновеннаго ростъ, онъ былъ красивъ и ловокъ. Кромѣ того, и по поведенію онъ былъ бы образцовымъ кадетомъ, если бы не его вспыльчивость. Онъ не пилъ, не распутничалъ и былъ замѣчательно правдивъ. Одно, что мѣшало ему быть образцовымъ, были находившія на него вспышки гнѣва, во время которыхъ онъ совершенно терялъ самообладаніе и дѣлался звѣремъ. Одинъ разъ онъ чуть не выкинулъ изъ окна кадета, начавшаго трунить надъ его коллекціей минераловъ. Другой разъ онъ чуть было не погибъ: цѣлымъ блюдомъ котлетъ пустилъ въ эконома, бросился на офицера, и говорили, что ударилъ его за то, что тотъ отрекся отъ своихъ словъ и прямо въ лицо солгалъ. Его навѣрно бы разжаловали въ солдаты, если бы директоръ корпуса не скрылъ все дѣло и не выгналъ эконома.

Восемнадцати лѣтъ онъ былъ выпущенъ офицеромъ въ гвардейскій аристократическій полкъ. Императоръ Николай Павловичъ зналъ его еще въ корпусѣ и отличалъ его и послѣ въ полку, такъ что ему пророчили флигель-адъютантство. И Касатскій сильно желалъ этого не только изъ честолюбія, но, главное, потому, что еще со временъ корпуса страстно, именно страстно любилъ Николая Павловича. Всякій приѣздъ Николая Павловича въ корпусъ, — а онъ часто ѣзжалъ къ нимъ, — когда входила бодрымъ шагомъ эта высокая

.....
фигура въ военномъ сюртукѣ и могучимъ голосомъ здоровалась съ кадетами, — Касатскій испытывалъ восторгъ влюбленнаго,

такой же, какой онъ испытывалъ послѣ, когда встрѣчалъ предметъ любви. Только влюбленный восторгъ къ Николаю Павловичу былъ сильнѣе: хотѣлось показать ему свою безпредѣльную преданность, пожертвовать чѣмъ-нибудь, всею—собою—ему. И Николай Павловичъ зналъ, что возбуждаетъ этотъ восторгъ, и умышленно вызывалъ его. Онъ игралъ съ кадетами, окружалъ себя ими, то ребячески просто, то дружески, то торжественно-величественно обращаясь съ ними. Послѣ послѣдней исторіи Касатскаго съ офицеромъ, Николай Павловичъ ничего не сказалъ Касатскому, но, когда тотъ близко подошелъ къ нему, онъ театральнo отстранилъ его и, нахмурившись, погрозилъ пальцемъ и потомъ, уѣзжая, сказалъ:

— Знайте, что все мнѣ извѣстно, но нѣкоторыя вещи я не хочу знать. Но онѣ здѣсь.

Онъ показалъ на сердце.

Когда же выпущенные кадеты являлись ему, онъ уже не поминалъ объ этомъ, сказалъ, какъ всегда, что они все могутъ прямо обращаться къ нему, чтобы они вѣрно служили ему и отечеству, а онъ всегда останется ихъ первымъ другомъ. Все, какъ всегда, были тронуты, а Касатскій, помня прошедшее, плакалъ слезами и далъ обѣтъ служить любимому царю всею своими силами.

Когда Касатскій вышелъ въ полкъ, мать его переѣхала съ дочерью сначала въ Москву, а потомъ въ деревню. Касатскій отдалъ сестрѣ половину состоянія, и то, что оставалось у него, было только достаточно для того, чтобы содержать себя въ томъ роскошномъ полку, въ которомъ онъ служилъ.

Съ виѣшной стороны Касатскій казался самымъ обыкновеннымъ молодымъ, блестящимъ гвардейцемъ, дѣлающимъ карьеру, но внутри его шла сложная и напряженная работа. Работа съ самаго его дѣтства шла, повидимому, самая разнообразная, но въ сущности все одна и та же, состоящая въ

томъ, чтобы во всѣхъ дѣлахъ, представлявшихся ему на пути, достигать совершенства и успѣха, вызывающаго похвалы и удивленіе людей. Было ли это ученье, науки—онъ брался за нихъ и работалъ до тѣхъ поръ, пока его хвалили и ставили въ примѣръ другимъ. Добившись одного, онъ брался за другое. Такъ онъ добился перваго мѣста по наукамъ; такъ онъ, еще будучи въ корпусѣ, замѣтивъ разъ за собой неловкость въ разговорѣ по-французски, добился того, чтобы овладѣть французскимъ, какъ русскимъ; такъ онъ потомъ, занявшись шахматами, добился того, что, еще будучи въ корпусѣ, сталъ отлично играть.

Всегда, кромѣ общаго призванія жизни, которое состояло въ служеніи царю и отечеству, у него всегда была поставлена какая-нибудь цѣль, и какъ бы ничтожна она ни была, онъ отдавался ей весь и жилъ только для нея до тѣхъ поръ, пока не достигалъ ея. Но какъ только онъ достигалъ назначенной цѣли, такъ другая тотчасъ вырастала въ его сознаніи и смѣняла прежнюю. Это-то стремленіе отличиться и для того, чтобы отличиться, достигнуть поставленной цѣли, наполняло его жизнь. Такъ, по выходѣ въ офицеры, онъ задался цѣлью наивозможнѣйшаго совершенства въ знаніи службы и очень скоро сталъ образцовымъ офицеромъ, хотя и опять съ тѣмъ недостаткомъ неудержимой вспыльчивости, которая и на службѣ вовлекла его въ дурные и вредные для успѣха поступки. Потомъ, почувствовавъ разъ въ свѣтскомъ разговорѣ свой недостатокъ общаго образованія, задался мыслью пополнить его и засѣлъ за книги, и добился того, чего хотѣлъ. Потомъ онъ задался мыслью достигнуть блестящаго положенія въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ, выучился отлично танцевать и очень скоро достигъ того, что былъ званъ на всѣ великосвѣтскіе балы и на нѣкоторые вечера. Но это положеніе не удовлетворяло его. Онъ привыкъ быть первымъ, а въ этомъ дѣлѣ онъ далеко не былъ имъ.

Высшее общество тогда состояло да, я думаю, всегда и

вездѣ состоитъ изъ четырехъ сортовъ людей: изъ 1) людей богатыхъ и придворныхъ; изъ 2) небогатыхъ людей, но родившихся и выросшихъ при дворѣ; 3) изъ богатыхъ людей, поддѣлывающихся къ придворнымъ, и 4) изъ небогатыхъ и непридворныхъ людей, поддѣлывающихся къ первымъ и вторымъ. Касатскій не принадлежалъ къ первымъ; онъ былъ охотно принимаемъ въ послѣдніе два круга. Даже вступая въ свѣтъ, онъ задалъ себѣ цѣлью связь съ женщиной свѣта и, неожиданно для себя, скоро достигъ этого. Но очень скоро онъ увидалъ, что тѣ круги, въ которыхъ онъ вращался, были круги низшіе, а что были высшіе круги, и что въ этихъ высшихъ придворныхъ кругахъ, хотя его и принимали, онъ былъ чужой; съ нимъ были учтивы, но все обращеніе показывало, что есть свои, и онъ не свой. И Касатскій захотѣлъ быть тамъ своимъ. Для этого надо было быть или флигель-адъютантомъ, — и онъ дожидался этого, — или жениться въ этомъ кругу. И онъ рѣшилъ, что сдѣлаетъ это. И онъ избралъ дѣвушку красавицу, придворную, не только свою въ томъ обществѣ, въ которое онъ хотѣлъ вступить, но такую, съ которой старались сближаться всѣ самые высоко и твердо поставленные въ высшемъ кругу люди. Это была графиня Короткова. Касатскій не для одной карьеры сталъ ухаживать за Коротковой, — она была необыкновенно привлекательна, и онъ скоро влюбился въ нее. Сначала она была особенно холодна къ нему, но потомъ вдругъ все измѣнилось, и она стала ласкова, и ея мать особенно усиленно приглашала его къ себѣ.

Касатскій сдѣлалъ предложеніе и былъ принятъ. Онъ былъ удивленъ легкостью, съ которой онъ достигъ такого счастья, и чѣмъ-то особеннымъ, страннымъ въ обращеніи и матери и дочери. Онъ былъ очень влюбленъ и ослѣпленъ, и потому не замѣтилъ того, что знали почти всѣ въ городѣ: что его невѣста была за годъ тому назадъ любовницей Николая Павловича.

II.

За двѣ недѣли до назначеннаго дня свадьбы, Касатскій сидѣлъ въ Царскомъ Селѣ на дачѣ у своей невѣсты. Былъ жаркій майскій день. Женихъ съ невѣстой походили по саду и сѣли на лавочкѣ въ тѣнистой липовой аллеѣ. Мэри была особенно хороша въ бѣломъ кисейномъ платьѣ. Она казалась олицетвореніемъ невинности и любви. Она сидѣла, то опустивъ голову, то взглядывая на огромнаго красавца, который съ особенной нѣжностью, осторожностью говорилъ съ ней, каждымъ своимъ жестомъ, словомъ боясь оскорбить, осквернить ангельскую чистоту невѣсты. Касатскій принадлежалъ къ тѣмъ людямъ сороковыхъ годовъ, которыхъ уже нѣтъ нынче, — къ людямъ, которые, сознательно допуская для себя и внутренне не осуждая нечистоту въ половомъ отношеніи, требовали отъ жены идеальной, небесной чистоты, и эту самую небесную чистоту признавали въ каждой дѣвушкѣ своего круга, и такъ относились къ нимъ.

Въ такомъ взглядѣ было много невѣрнаго и вреднаго въ той распущенности, которую позволяли себѣ мужчины; но по отношенію женщинъ такой взглядъ, рѣзко отличающійся отъ взгляда теперешнихъ молодыхъ людей, видящихъ въ каждой женщинѣ — дѣвушкѣ ищущую себѣ дружку самку, — такой взглядъ былъ, я думаю, полезенъ. Дѣвушки, видя такое обоготвореніе, старались и быть болѣе или менѣе богинями. Такого взгляда на женщинъ держался и Касатскій и такъ смотрѣлъ на свою невѣсту. Онъ былъ особенно влюбленъ въ этотъ день и не испытывалъ ни малѣйшей чувственности къ невѣстѣ, — напротивъ, съ умиленіемъ смотрѣлъ на нее, какъ на нѣчто недосягаемое.

Онъ всталъ во весь свой большой ростъ и сталъ передъ нею, опершись обѣими руками на саблю.

— Я только теперь узналъ все то счастье, которое может испытать человек! И это вы, это ты, — сказалъ онъ, робко улыбаясь, — дала мнѣ это!

Онъ былъ въ томъ періодѣ, когда „ты“ еще не сдѣлалось привычно, и ему, смотря нравственно снизу вверхъ на нее, страшно было говорить „ты“ этому ангелу.

— Я себя узналъ благодаря... тебѣ, узналъ, что я лучше, чѣмъ я думалъ.

— Я давно это знаю. Я за то-то и полюбила васъ.

Соловей защелкалъ вблизи, свѣжая листва зашевелилась отъ набѣжавшаго вѣтерка.

Онъ взялъ ее руку и поцѣловалъ ее, и слезы выступили ему на глаза. Она поняла, что онъ благодарить ее за то, что она сказала, что полюбила его. Онъ прошелся, помолчалъ, потомъ подошелъ, сѣлъ.

— Вы знаете, ты знаешь... Ну, все равно. Я сблизился съ тобой не безкорыстно, я хотѣлъ установить связи съ свѣтомъ, но потомъ... какъ ничтожно стало это въ сравненіи съ тобой, когда я узналъ тебя. Ты не сердишься на меня за это?

Она не отвѣчала и только тронула рукой его руку.

Онъ понималъ, что это значило: „нѣтъ, не сержусь“.

— Да ты вотъ сказала, — онъ замаялся, ему показалось это слишкомъ дерзко, — ты сказала, что полюбила меня, но — прости меня, я вѣрю, но что-то, кромѣ этого, есть, что тебя тревожить и мѣшаетъ. Что это?

„Да, теперь или никогда, — подумала она; — все равно онъ узнаетъ. Но теперь онъ не уйдетъ. Ахъ, если бы онъ ушелъ, это было бы ужасно!“

И она любовнымъ взглядомъ окинула всю его большую, благородную, могучую фигуру. Она любила его теперь больше не промѣняла бы этого на того.

— Послушайте, я не могу быть неправдива. Я должна сказать все. Вы спрашиваете — что? Тѣ, что я любила.

Она положила свою руку на его умоляющимъ жестомъ.
Онъ молчалъ.

— Вы хотите знать—кого? Да его.....

— Мы все любимъ его; я воображаю, вы въ институтѣ...

— Нѣтъ, послѣ. Это было увлеченье, но потомъ прошло...

Но я должна сказать...

— Ну, такъ что же?

— Нѣтъ, я не просто...

Она закрыла лицо руками.

— Какъ? Вы отдались ему?

Она молчала.

— Любовницей?

Она молчала.

Онъ вскочилъ и, блѣдный, какъ смерть, съ трясущимися
скулами, стоялъ передъ нею. Онъ вспомнилъ теперь, какъ..

.....

— Боже мой! Что я сдѣлала! Стива!

— Не трогайте, не трогайте меня. О, какъ больно!

Онъ повернулся и пошелъ къ дому.

Въ домѣ онъ встрѣтилъ мать.

— Вы что, князь? Я...

Она замолчала, увидавъ его лицо. Кровь вдругъ ударила
ему въ лицо.

— Вы знали это и мной хотѣли прикрыть ихъ. Если бы
вы не были женщины! — вскрикнулъ онъ, поднявъ огромный
кулакъ надъ нею, и, повернувшись, убѣжалъ.

.....

.....

На другой же день онъ подалъ въ отпускъ и отставку и
сказался больнымъ, чтобы никого не видѣть, и поѣхалъ въ
деревню.

Лѣто онъ провелъ въ своей деревнѣ, устраивая свои
дѣла. Когда же кончилось лѣто, онъ не вернулся въ Петер-

бургъ, а поѣхалъ въ монастырь и поступилъ [въ] него монахомъ.

Мать писала ему, отговаривая отъ такого рѣшительнаго шага. Онъ отвѣчалъ ей, что призваніе Бога выше всѣхъ другихъ соображеній, а онъ чувствуетъ его. Одна сестра, такая же гордая и честолюбивая, какъ и братъ, понимала его. Она понимала, что онъ сталъ монахомъ, чтобы стать выше тѣхъ, которые хотѣли показать ему, что они стоятъ выше его.

И она понимала его вѣрно. Поступая въ монахи, онъ показывалъ, что презираетъ все то, что казалось столь важнымъ другимъ и ему самому въ то время, какъ онъ служилъ, и становился на новую такую высоту, съ которой онъ могъ сверху внизъ смотрѣть на тѣхъ людей, которымъ онъ прежде завидовалъ. Но не одно это чувство, какъ думала сестра его Варенька, руководило имъ. Въ немъ было и другое: истинно-религіозное чувство, котораго не знала Варенька, которое переплеталось съ чувствомъ гордости и желаніемъ первенства, руководило имъ. Разочарованіе въ Мэри (невѣстѣ), которую онъ представлялъ себѣ такимъ ангеломъ, и оскорбленіе были такъ сильны, что привели его къ отчаянію, а отчаяніе куда?—къ Богу, къ вѣрѣ дѣтской, которая никогда не нарушалась въ немъ.

III.

Въ день Покрова Касатскій поступилъ въ монастырь.

Игуменъ монастыря былъ дворянинъ, ученый писатель и старецъ, т.-е. принадлежалъ къ той преемственности, ведущейся изъ Валахія, монаховъ, безропотно подчиняющихся избранному руководителю и учителю. Игуменъ былъ ученикъ извѣстнаго старца Амвросія, ученика Макарія, ученика старца

Леонида, ученика Паисія Величковскаго. Этому игумену подчинился, какъ своему старцу, Касатскій.

Кромѣ того чувства сознанія своего превосходства надъ другими, которое испытывалъ Касатскій въ монастырѣ, Касатскій такъ же, какъ и во всѣхъ дѣлахъ, которыя онъ дѣлалъ, и въ монастырѣ находилъ радость въ достиженіи наибольшаго какъ внѣшняго, такъ и внутренняго совершенства. Какъ въ полку онъ былъ не только безукоризненнымъ офицеромъ, но такимъ, который дѣлалъ больше того, что требовалось, и расширялъ рамки совершенства, такъ и монахомъ онъ старался быть совершеннымъ: трудящимся всегда, воздержнымъ, смиреннымъ, кроткимъ, чистымъ не только на дѣлѣ, но и въ мысляхъ, и послушнымъ. Въ особенности послѣднее качество, или совершенство, облегчало ему жизнь. Если многія требованія монашеской жизни въ монастырѣ, много посѣщаемомъ¹⁾, не нравились ему, соблазняли его, все это уничтожалось послушаніемъ: не мое дѣло разсуждать, мое дѣло нести назначенное послушаніе, — будетъ ли то стояніе у мощей, пѣніе на клиросѣ или веденіе счетовъ по гостиницѣ. Всякая возможность сомнѣній въ чемъ бы то ни было устранялась тѣмъ же послушаніемъ старцу. Не будь послушанія, онъ бы тяготился и продолжительностью и однообразіемъ церковныхъ службъ, и суетой посѣтителей, и дурными свойствами братіи. Но теперь все это не только радостно переносилось, но составляло въ жизни утѣшеніе и поддержку. „Не знаю, зачѣмъ надо слышать нѣсколько разъ въ день тѣ же молитвы, но знаю, что это нужно. А зная, что это нужно, нахожу радость въ нихъ“. Старецъ сказалъ ему, что какъ нужна матеріальная пища для поддержанія жизни, такъ нужна духовная пища — молитва церковная — для поддержанія духовной жизни. Онъ вѣрилъ въ это, и дѣйствительно, служба церковная, на которую онъ съ трудомъ поднимался иногда

1) См. примѣчаніе 2-е.